

**Т.Ф.Кораблева,
Российский Национальный
исследовательский медицинский
университет.
Президент Международной
макаренковской ассоциации.**

Восприятие идей А.С. Макаренко в нашей стране и за рубежом.

Антон Семёнович Макаренко давно и заслуженно классик мировой и отечественной педагогики. Его известность в СССР и за рубежом появилась при жизни Антона Семёновича, однако классиком педагогики он стал в 1941 году, через два года после смерти.

Его открытия в области воспитания нового человека и результаты были настолько ошеломляющими, что молодая советская педагогика не смогла по достоинству оценить своего будущего классика. Через макаренковские учреждения прошло около 3-х тысяч воспитанников без единого рецидива. Такого результата не знает ни одно учреждение пенитенциарной системы (норма – 7-9 %).

Огромные трудности, которые пришлось преодолеть Макаренко, взяв на себя ответственность за возвращение беспризорникам «качеств социально вменяемого человека», были уравновешены возможностью творчества на обширном «социальном поле», предоставленном советской властью. Двадцатые годы были весьма благоприятным временем для поисков, творчества. Это был период «интеллектуального брожения (Ст.Коэн), когда философия, искусство, еще не были отгорожены «железным занавесом» от достижений и поисков в мировой культуре. Эти искания коснулись и педагогики, в которой, по меткому замечанию, Дж. Боуэна творился «радостный бедлам».

И Макаренко сумел написать новую страницу в общей, педагогической, психологической, военной, исправительно-трудовой, социальной педагогике, социальной психологии, этике, литературе, проявив себя не только как педагог, но и как социальный реформатор.

Масштаб деятельности Макаренко уместно сопоставить с известной аналогией: Циолковский был простым провинциальным учителем, а мыслил как учёный-космист планетарного уровня. Неспроста творчеству Антона Семёновича дана очень точная проницательная оценка норвежским исследователем Анре Роллом, сделанная им в 60-70-е гг. XX века: творчество Макаренко – теория относительности в педагогике. Величие его заслуг так велико, что только следующие поколения людей смогут их оценить. Вся история освоения наследия Макаренко, отражённая, в частности, в монографии известного макаренковеда А.А. Фролова (2006 г.) – есть подтверждение правоты А. Ролла. (2).

Свидетельством международного признания А.С. Макаренко стало известное решение ЮНЕСКО (1988), касающееся всего четырёх педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке. Это Д. Дьюи, Г. Кершенштайнер, М. Монтессори, А. Макаренко. Другой показательный факт состоит в том, что Международное бюро просвещения в составе ЮНЕСКО назвав 100 педагогов-философов, образующих собой «Галактику пайдеи», отражающую разные культуры, цивилизации, эпохи, включила в него и А.С. Макаренко.

Широкой известности Макаренко при жизни способствовал выход в свет «Педагогической поэмы» (1-я часть в 1933 г., 2-я часть – в 1935 г.) и её переводов за рубежом. Западный мир узнал его как автора «Дороги в жизнь» (так звучал перевод). Интересны впечатления деятелей зарубежной и отечественной культуры о мощном влиянии «Поэмы», этого советского «романа воспитания» на разных людей. Так Г. Нооль, философ, психолог, педагог (ФРГ): «Макаренко – великое педагогическое явление

исторического значения наряду с Зальцманом, Песталоцци или Германом Литцем, а его «Педагогическую поэму» ... можно сравнить с «Лингардом и Гертрудой» Песталоцци или ещё лучше – с его «Письмом из Станца». (2,26).

Л. Арагон, французский писатель: «Я думаю, ни одна история всеобщей литературы, даже самая пристрастная, даже отмеченная антисоветскими предубеждениями, не может нынче обойти вниманием «Педагогическую поэму», не нарушая приличий. Ибо книга эта беспрецедентна... Ничто не в силах остановить её заражающего влияния, и ничто не может лишить её будущего... Я не знаю книги более свободной от ханжества» (2, 23).

Композитор И.О. Дунаевский: «Я нахожусь под сильнейшим впечатлением от «Педагогической поэмы»... Вот подлинная романтика жизни, жестокая и неприкрытая. И вместе с тем только эта жизнь, как она есть и как она принимается людьми сильной воли, только она способна рождать такую красоту и человечность. Вот где школа человеческого характера...» (2, 23).

О первых попытках изучения Макаренко в СССР можно судить по докладам на совещании по наследию Макаренко (В.И Куфаев) и Всероссийской конференции (С.М Ривес), дискуссиям в «Правде» и «Учительской газете» (1941г.). Печатаются стенограммы выступлений Макаренко, появляются публикации в журналах «Молодой большевик» и «Начальная школа», «Литературной газете», проходят заседания коллегий Наркомпроса, августовские совещания учителей, рассматривающие его наследие. В лучших залах страны проходят вечера памяти, перед высшим руководством страны поставлены вопросы об увековечении памяти и создании музея педагога. Защищена первая макаренковедческая диссертация (И.Ф. Козлов; 1941). В 1941/1942 учебном году на кафедре педагогики МГУ им. М.В. Ломоносова (зав. И.А. Каиров) в курсе истории педагогики читается тема: «Педагогические взгляды и педагогическая деятельность А.С. Макаренко». Анализ этих материалов даёт достаточные основания, чтобы утверждать: А.С. Макаренко стал классиком советской педагогики, «канонизирован» в 1941 году (Хиллиг Г., Фролов А.А.) на основе неполного знания его наследия и потому весьма упрощенного толкования (2, 62).

И, тем не менее, в 40-50-е годы интерес к наследию педагога огромен. Воспитанники и коллеги Макаренко активны, интересны советским людям: аншлаги на встречах, интервью, публикации воспоминаний доносят живой дух того педагогического чуда, свидетелями которого они были. Во второй половине 40-х годов стали издаваться сборники его педагогических произведений, избранные сочинения в 4-х томах (1949). Вышло семь (!) изданий «Педагогической поэмы» (1940-1949), появляются обобщающие материалы о судьбах воспитанников, множество макаренковедческих статей и материалов. Среди них выделяется публикация В.И. Гмурмана «Об изучении педагогического наследия А.С. Макаренко», в которой выделяются 14 основных тем для исследования Макаренко с мировоззренческих и методологических позиций.

В издательской политике сказывалась борьба идей. Одна часть «педагогического Олимпа» - сторонники Н.К. Крупской (Н.К. Гончаров, Ф.Ф. Королёв, П.В. Руднев) не желали усиления влияния Макаренко. Другая часть «педагогического Олимпа» П.Н. Шимбирёв, И.Т. Огородников и др. давали либо критически-негативные оценки, либо обходили это имя молчанием.

Таким образом, в эту пору в отношении к наследию Макаренко закладываются все основные противоречия, которые воспроизводятся до сегодняшнего дня. Одна часть педагогической общественности ценила «педагогический оптимизм», «мужественный гуманизм» в противовес «гуманному сюсюканью», коллектив и «коллективную заинтересованность во всей работе школы», дисциплину, дружбу, товарищество. Другая сторона – выступала «против принуждения», против «умаления роли учителя и пионерской организации», против недооценки возрастных особенностей, против общественно-производительного труда как основы воспитания в коллективе, за

приспособление идей Макаренко к «школе учёбы», к воспитанию на уроках, классных часах и вечерах.

С конца 40-х гг. до нач. 60-х гг. классику педагогики не посвящено ни одной новой педагогической монографии (лишь переиздания работ периода первоначального освоения), в некоторых учебниках нет даже упоминания его фамилии (Н.К. Гончаров, 1947). В других учебниках утверждалось, что созданная А.С. Макаренко система специфична и не подходит для массовой школы», не подходит «для нормального детства» (И.Т. Огородников, П.Н. Шимбирёв. 1950). «Влиятельные деятели академической педагогической науки не видели необходимости введения А.С. Макаренко в «большую педагогику» (1, 66). По их мнению, он вполне изучен и понятен.

Макаренко используется цитатно, в виде авторитетных подпорок для обоснования каких-либо идей. Равнодушие теоретиков педагогики этих лет к уникальному опыту Макаренко была остроумно выражена словами самого педагога: «на постной пище кабинетных рассуждений». Их вердикт: опыт Макаренко не для массовой школы и/или это явление 20-30-х гг., утратившее своё значение вместе с проблемами того периода.

Когда в стране началось преодоление культа личности, в общественном мнении возникли аллюзии 30-х годов. И на Макаренко как классика советской педагогики легла тень исторической вины за положение личности в советском обществе, за создание послушных «колёсиков и винтиков» жестокой государственной машины.

В эти же годы были сторонники Макаренко, как в «большой» науке (С.Л.Рубинштейн, В.Н. Колбановский, М.Д.Виноградова), так и на педагогическом Олимпе (А.И. Каиров, И.Ф. Козлов, В.Е. Гмурман, С.М. Ривес, И.Ф. Свядковский, Е.Н. Медынский и др.) (3).

Но положительную тенденцию времени задавали не столько они, сколько педагогические практики, которые получили возможность применения опыта Макаренко в современных условиях. Это связано с Постановлением (1956) о создании школ нового типа (школ-интернатов) для улучшения общественного воспитания и с Законом (1958) «Об укреплении связи школы с жизнью». Практики предполагали, что это позволит перейти к существу макаренковской педагогики дела, воспитанию на основе серьёзного производства, социально значимого дела. Однако, став массовой, производственная деятельность школьников вырождалась в формализм и профанацию макаренковской роли производительного труда в воспитании. Школы-интернаты, не имея необходимой базы производительного труда и ориентируясь на малообеспеченных, превратились в подобие детских домов с присущим им социальным иждивенчеством.

Закон просуществовал 8 лет (до 1964) – это был исторический шанс не «пристраивать» макаренковскую педагогику к современным реалиям, а создать новый тип школы, соответствующий и даже опережающий уровень развития общества. Так было у Макаренко, когда завод ФЭД выпускал конкурентоспособную с Западом продукцию – электросвёрла и электродрели (а на самом деле людей, неотчуждённых от своей жизни и жизни страны), опережая уровень массового производства в стране и превосходя его по уровню культуры и размаху социальных задач. В новаторском движении 50-х гг. произошло некоторое укрепление связи школы с жизнью, но выявились огромные трудности, с которыми сталкивался и сам Макаренко. Это, прежде всего, несоответствие между собой педагогических и экономических факторов в организации труда, в постановке целей деятельности, неготовность педагогики и других наук создать модель школы, приближенной к жизни (2,106). Ограниченность наследия Макаренко не позволила педагогической науке разработать понятия «школа-хозяйство», производственное воспитание, понятие «общешкольный коллектив», что не выполнено до сих пор (4). Кроме того, как учёные, так и практики вместе с родителями не желали «отбирать» у детей детство, считая праздность его неотъемлемым атрибутом все последующие годы. Так президент АПН Столетов считал отсутствие труда у детей до 16

лет бесспорным достижением социализма (2,195). Некоторые «олимпийцы» называли опыт Макаренко «мозольной педагогикой».

В середине 50-х гг. в Ленинграде появилось «коммунарское движение» (И.П. Иванов, тоже начал свою деятельность под влиянием «Педагогической поэмы»), просуществовавшее до середины 80-х гг. На мой взгляд, оно стало заменой отсутствию серьёзного производительного труда в условиях города. Его расцвет пришёлся на 60-70-е гг., когда осуществлялись коллективные творческие дела, забота о нуждающихся, создавался тип коллективиста, которому «до всего есть дело». Но это педагогика краткосрочных мероприятий в основном в сфере досуга. Своим оптимизмом, социальным творчеством она походила на педагогику Макаренко и, как могла, она противостояла «педагогике опеки и авторитаризма» (И.П. Иванов), стремясь выйти из колеи простого почитания Макаренко.

Новый этап освоения наследия Макаренко – это конец 60-х годов и середина 70-х, как в СССР, так и за рубежом. Успехи социализма как состоявшегося нового общественно-экономического строя - привели к началу макаренковедческих исследований в Западной Германии с середины 50-х годов. В университетах и научных собраниях началось широкое обсуждение произведений педагога. В 50-60-е годы его изучение велось уже в более, чем 10 научных центрах Запада. К 1960 году число публикаций о нём достигло 800, а также защищено 3 макаренковедческие диссертации. Чуть позже к целенаправленному и планомерному изучению подключается созданная в 1968 году на философском факультете Марбургского университета «Макаренко-реферат» (основатель Леонхард Фрэзе, в последствие – Гётц Хиллиг), ставшая абсолютным лидером исследований в мире. Всё это осуществлялось и финансировалось в рамках системы «Остфоршунга», направленной на изучение стран Восточной Европы. Макаренковедческая работа стала одним из направлений «педагогической советологии» (2,134). Освоение наследия Макаренко в Германии – своеобразное зеркало процессов, протекавших в СССР и в мире.

Применение новых способов аналитики вне советской официальной доктрины расширило историко-культурный контекст макаренковского наследия, диапазон его оценок. Показательны определения, данные Макаренко западногерманскими исследователями. Макаренко – «самый выдающийся педагог нашей эпохи», «ещё не в полную меру оценённый педагогический гений» (Л. Фрэзе, 1956), «Макаренко – это вершина развития педагогического мышления в СССР, но вершина в пустыне» (симпозиум в г. Флото, Германия, 1966), «макаренковский воспитательный коллектив – одно из больших педагогических открытий нового времени» (Е. Хемпель, 1959). И далее: «Макаренко, объявляя себя атеистом, был примером в выполнении христианской заповеди любви к ближнему» (Э. Файфель). «А.С. Макаренко стал великим педагогом вопреки своим коммунистическим убеждениям» (основное положение симпозиума во Флото), а также - «научный подход к наследию Макаренко предполагает разделение на «политическую и педагогическую сторону его действий» (Л. Фрэзе, 1968).

Западногерманские исследования отличает *двухчастотная ритмичность*: «открытая атака на принципиальные основы советской педагогики» и тогда Макаренко предстаёт «гениальным диктатором», одним из создателей советской идеологии, теоретиком и практиком «тоталитарной педагогики». Во времена оттепели и международной «разрядки» - Макаренко соотносится с гуманистической педагогикой прошлых лет и даже христианским воспитанием.

К 25-летию создания лаборатории «Макаренко-реферат» (1993) вышел указатель её работ, включающей 220 работ. Публикации лаборатории вызывали весь возможный спектр оценок: от «фальсификаторов» до восторженного признания и заслуженного авторитета. Систематическая скрупулёзная текстологическая работа сотрудников лаборатории очистили тексты Макаренко от неточностей разного рода и целенаправленных искажений. Лаборатория в Марбурге в составе всего двух человек

заставила Академию педагогических наук СССР принять специальное решение: «О публикации и дальнейшей разработке трудов А.С. Макаренко» (1975), «с опозданием на 20 лет», - пишет А.А. Фролов. (2, 133). Именно западные коллеги-макаренковеды – Либор Пеха, Гётц Хиллиг, Ференц Патаки, Зюнкель, Эдгар Гюнтер Шелльхеймер и другие способствовали «очищению» от штампов канонизации образа «святого» Макаренко

В это же время в СССР начинается заметная полемика между взглядами Макаренко и Сухомлинского в виде противопоставления гуманиста Сухомлинского авторитарно-командному Макаренко. Сухомлинский был использован как таран против вульгаризированного Макаренко. Возникла явная усталость от наследия тоталитарной эпохи, ощущалась потребность в «социализме с человеческим лицом». Коллектив, дисциплина, ответственность имели в обществе гораздо меньшее признание, чем гуманность, интеллигентность, индивидуальный подход, сердечность. В качестве примера можно привести обвинение Макаренко в утверждении якобы им известного тезиса: *«в коллективе, через коллектив и для коллектива»*. Этим тезисом доказывалось пренебрежение Макаренко интересами личности. В действительности, такая фраза принадлежала оппоненту Макаренко А.И. Попову, на заседании секции социального воспитания НИИ педагогики (Харьков, 1928) и отражала не взгляды Макаренко, а официальную доктрину соцвоса. *Именно на этом заседании педагогическая система Макаренко была названа несоветской.*

Тем не менее, в 60-е годы получило признание существенное влияние Макаренко на разработку философско-социологических аспектов коллектива (В.С. Барулин, Л.П. Боева, Г.М. Гак, Б.В. Князев, В.П. Ратников), проблем общей психологии (А.В. Петровский, К.К. Платонов, Е.В. Шорохова), педагогической психологии (Л.И. Уманский; А.Н. Лутошкин, Я.Л. Коломинский), военной (А.Г. Базанов, А.В. Барабанщиков, А.Д. Глоточкин, В.П. Давыдов) и исправительно-трудовой педагогики и психологии (В.И. Куфаев, В.Е. Гмурман, В.Ф. Пирожков, И.П. Зайцев, В.Ф. Ключин, М.П. Стурова). В конце 60-х годов в СССР узнают об исследованиях на Западе, которые по своему уровню и длительности обогнали советских педагогов приблизительно на 20 лет. И всё же, несмотря на практические и теоретические усилия нескольких десятилетий, идеи Макаренко не оказали заметного влияния на советскую школу. Сохраняется ритуально-юбилейный характер публикаций, конференций, сохраняются трудности в освоении педагогической «теории относительности» Макаренко.

В 70-е годы продолжается острая общественная полемика о судьбе наследия Макаренко. Сторонники педагога предлагают новое понимание Макаренко на основе его изучения разными науками, а также и это главное - на основе впечатляющих примеров его применения в сельских школах-комплексах (Сохновская, Мамлютская, Григорово-Полесская), о чём блестяще пишут сами педагоги-практики (Г. Кубраков, А. Захаренко), публицисты (И.Синицын, А. Радов и др). Появляются статьи с освещением макаренковедческих исследований на Западе на протяжении 70-х годов (А.Н. Джурицкий, Н.Д. Ярмаченко и др.). Острота полемики сосредоточивается вокруг имени В.В. Кумарина, который противостоит новому составу «педагогического Олимпа» в лице В.М. Коротова, Б.Т. Лихачёва. Их позиция в общем виде такова: Макаренко успешно претворяется и уже претворён в современной школе и здесь нет никаких проблем (В.М. Коротов).

В 70-е годы ситуация в стране в области образования меняется в пользу обучения за счёт воспитания. Урок объявляется основной организационной основой воспитания (словесное воспитание). Этой тенденции противостоят лишь немногие в масштабах всей страны: школьный завод «Чайка» (В.Ф. Карманов пришёл в педагогику из директоров под влиянием «Поэмы»), некоторые воспитательно-трудовые колонии, школы-комплексы, которые не сводят свои задачи лишь к обучению. Проект Конституции 1977 чуть было не запретил использование детского труда.

В 1983-84 гг. разрабатывается и начинается осуществление очередной реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Главное в ней – это воспитательное значение школы при всём внимании к обучению: важно, чтобы человек воспитывался, прежде всего, как гражданин социалистического общества. В эти годы снова появляются школы макаренковского типа - учебно-производственные комплексы, а Президиум АПН принимает решение об издании полного собрания сочинений А.С. Макаренко к 100-летию педагога. В июне 1989 г. Президиум АПН принял решение о создании научно-исследовательской лаборатории А.С. Макаренко и международной ассоциации макаренковедов. В октябре 1989 года в селе Ковалёвка Полтавской области была учреждена Советская Макаренковская ассоциация.

Вместе с перестройкой появилась резкая и весьма конъюнктурная критика Макаренко, знаменем которой стал Ю.П. Азаров, считавший себя учеником Макаренко и защитивший свои научные степени не без использования его наследия. Парадокс этого времени состоял в том, что *в несоветское время Макаренко в своей стране квалифицировался исключительно как советский педагог*, вне мирового признания его в качестве классика. Положение педагога при жизни и после его смерти можно назвать следующим образом: «Чужой среди своих, свой среди чужих».

Наряду с происходившими нападками на макаренковское наследие осуществляла свою деятельность Международная Макаренковская ассоциация, учреждённая там же в Полтаве в 1991 году, действующая до сегодняшнего дня. Ассоциация организовала диалог исследователей Востока и Запада. Состоялись международные симпозиумы, совместные публикации. Всё это, несомненно, способствовало преодолению застоя в оценках, побудило макаренковедов конкурировать аргументами, а не догматами. И, тем не менее, президент Российской академии образования Н.Д. Никандров в отчётном докладе Президиума РАО (2002) констатировал процесс «демакаренкизации» педагогики в начале 90-х годов, однако отметил и противоположный процесс «восстановления на новой основе преемственности макаренковского и современного подходов к общешкольному коллективу как фактору воспитания» (2, 336).

За последние 25 лет после 100-летия Макаренко, накануне 125-летия педагога и социального реформатора 13 марта 2013 года, можно сказать: прошло множество конференций, официальных и неофициальных встреч. Опубликованы новые материалы, выполнено немало интересных совместных работ, открыты российские архивы.

Однако можно констатировать: разросшееся вширь освоение наследия Макаренко, не привело пока к качественному скачку в его понимании, *хотя и утвердило его в гуманистической воспитательной парадигме* (Апресян Р.Г., Бакштановский В.И., Кораблёва Т.Ф., Согомонов Ю.А.). В связи с этим важно понять, за что именно Европа ценит макаренковский опыт. За ответственность, хозяйственность, рачительность, отсутствие каст управленцев и подчиненных, за чувство собственного достоинства воспитанника, за его сознательную гражданственность, отсутствие антисоциальных наклонностей. Разве этого мало, чтобы к наследию Макаренко отнестись без наивного догматизма, но и без высокомерного отрицания?

Если мы хотим макаренковских результатов, то за основу работы надо брать его принцип – явный приоритет воспитательных целей при современном менеджменте в области производства и сельского хозяйства. Современное общество порождает проблемы нового уровня сложности, простых решений которых быть не может. Появляется новый понятийный аппарат взамен понятию «общешкольный коллектив» - «детско-взрослые общности» (Д.В. Григорьев, А.М. Кушнир). Координатором и организатором макаренковского движения в стране с 2005 года стала Российская макаренковская ассоциация, которая вместе с Международной ассоциацией и издательским домом «Народное образование» провели десять конкурсов общеобразовательных учреждений, детских домов и школ-интернатов (с 2003 по настоящее время), где учат не только словом, но и хорошо организованным делом. Этот неомакаренковский опыт современной

российской школы должен бы быть изучен, однако он так и остался инициативой и заслугой макаренковской общественности.

Макаренко тем и интересен всему миру, потому он и стал классиком мировой педагогической мысли, что он не остановился на индивидуальной работе, моральных увещеваниях ребенка, а вместе с ребятами наладил такую жизнь единого коллектива воспитанников и педагогов, когда собственно воспитательная работа была не видна, а воспитанники не ощущали себя объектами педагогических усилий.

Литература:

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-т.- М.: Педагогика. – 1983-1986 гг.
2. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России, мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ). – Нижний Новгород.; Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 417 с.
3. 25 лет лаборатории «Макаренко-реферат». Марбург, 1993 г.
4. Кораблёва Т.Ф. Философско-этические аспекты теории коллектива А.С. Макаренко. М.: Институт философии РАН, 2000 г. (автореферат).
5. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.А. Этика и этос воспитания: социодинамика контекстов. – Тюмень, НИИ прикладной этики, 2002.
6. Апресян Р.Г. Ценностные парадигмы воспитания. Вестник ТГПУ, 2008.